

Ангелина Вачева =====

**“... Я СТРАШНО ЛЮБЛЮ ВЕРХОВУЮ ЕЗДУ”.
ТОПОС АМАЗОНКИ В АВТОБИОГРАФИИ ЕКАТЕРИНЫ II**

Романная топка¹, связанная с амазонкой, играет исключительно важную роль в концепции собственного образа в автобиографии Екатерины II. Русская императрица, которая славилась в своей молодости страстью к верховой езде, заимствует у романа значение мотива амазонки в вырабатывании новой идентичности романной героини. Воздействие этого мотива не было бы столь сильным, если бы езда верхом не была одним из малочисленных дозволявшихся движений, помимо танца, в жизни благородной дамы. Верховая езда занимала важное место среди светских умений аристократок. Поэтому она становится средством самовыражения ряда известных своей яркой индивидуальностью женщин. До того как верховая езда становится важным мотивом в жизнеописании Екатерины II, она действительно имела решающую роль в выработке ее характера, став своеобразным символом в ее жизни. Красноречивым доказательством этого является поведение императрицы во время переворота, возведшего ее на престол: она завоевывает свою власть верхом, сидя по-мужски, в мужском офицерском костюме.

“Большая часть романов представляет женщину статически или же ее движения ограничены – в салоне, будуаре, замке, тюрьме, монастыре – там, где ее мобильность и свобода действий недостаточны” [Simmons 1980: 1919], – эта констатация справедлива не только в отношении поведения романских героинь; она отражает вообще жизнь тогдашней женщины. Поэтому движение, спорт в воспитании девочек становятся в XVIII веке предметом оживленной дискуссии сначала в Европе, а затем и в России [см. Лотман 1994: 305-306].

Романы становятся фактором распространения новых для того времени взглядов на необходимость физической активности прекрасного пола. Такие мотивы были особенно характерны для немецкой романистики XVIII в., из которой они проникли и в другие литературы. В немецких романах того времени одним из основных женских типов является “Machtfrau” (буквально “властная женщина”). Характеристиками этого типа являются сила характера, смелость, обширные познания и высокая интеллигентность, самостоятельность в принятии решений, сравнительная независимость в семье, презрение к общественному мнению. Machtfrau ездит верхом по-мужски и охотно надевает мужскую одежду, но в то же время сохраняет все атрибуты женственности, вплоть до слез. Обычно это женщина, принадлежащая к высшим слоям общества, это “тепличное растение, которое бы зачахло в низких слоях социальной атмосферы” [Fauchery 1972: 613; 612-619].

Чрезвычайно интересна в этой связи роль верховой езды в воспитании девиц, на которой ставит акцент французская писательница г-жа д’Эпине в своем педагогическом романе “Разговоры с Эмилией” (“Conversations d’Emilie”, 1-е издание 1774). Это произведение являлось своеобразным ответом на теорию воспитания, изложенную Жан-Жаком Руссо в романе-трактате “Эмиль, или О воспитании” (1762). Г-жа д’Эпине

вносит известные коррективы в концепцию девического воспитания женевского гражданина, исходя из своего личного женского опыта дочери и матери.

В отличие от Руссо, г-жа д'Эпине поддерживала идею равнопоставленности мужского и женского воспитания, а не подчинения второго первому. По-прежнему считая, что благородные девушки должны воспитываться в светских умениях, она отстаивала необходимость углубленных знаний в серьезных науках, которые девочки должны получать наравне с мальчиками. В отличие от Руссо, отдававшему приоритет роли наставника, французская писательница считала, что вся семья должна заботиться о воспитании девочки. Первое место в этом деле она сохраняет за матерью, которая должна была стать основной наставницей своей дочери. В IV разговоре (редакция текста 1788 г.) г-жа д'Эпине высказывает исключительно смелую для своего времени идею [Badinter 1983: 203]: отец также участвует в воспитании дочери, наравне с матерью (вставная повесть об “амазонке” Аделаиде Штольценберг). Роман “Разговоры с Эмилией” принес г-же д'Эпине в 1783 г. премию Французской академии. Он был многократно переиздан на разных языках (очарованная им Екатерина намеревалась заказать русский перевод), оставаясь актуальным вплоть до второй половины XIX века, а реминисценции из него можно установить у Жорж Санд. Учитывая эволюцию своего опыта воспитательницы, г-жа д'Эпине до самой своей смерти в 1783 г. вносила в текст большие или меньшие изменения. Последняя, собственноручно подготовленная писательницей IV редакция текста вышла в 1788 г. и была посвящена Екатерине II, принимавшей по настоянию Ф.-М. Гримма, долголетнего сожителя автора “Разговоров”, живое участие в судьбе близкой к кругу энциклопедистов г-жи д'Эпине и ее внучки Эмили де Белзунс (та самая “Эмилия”). Именно в тексте этой редакции находится новелла об амазонке, в которой французская писательница изложила свои передовые взгляды. Мотив верховой езды является ключевым для их раскрытия.

С одной стороны, г-жа д'Эпине настаивает на необходимости физических упражнений, должных обеспечить “здоровый дух в здоровом теле” юной девушки. С другой стороны, мотив верховой езды становится поводом для изложения своей концепции равной роли обоих родителей в воспитании их дочери. С третьей, – писательница выражает свое глубокое убеждение в необходимости и полезности сочетания типично “женских” занятий, связанных со статикой (чтение, музицирование, рисование, рукоделие), с динамическими “мужскими” (езда верхом, охота, работа в саду), при том последние совершаются под руководством отца, а девушка одета в дающем свободу мужском платье. Результат такого “разумного” воспитания, осуществляемого при взаимном согласии обоими родителями, вне всякого сомнения: героиня вставной повести Аделаида Штольценберг в шестнадцать лет достигла гармонии в осознанности и разумности своих поступков и мыслей, добилась утонченности манер и благодаря своему очарованию и физической грации стала “одной из самых интересных личностей своего пола” [Mme d'Épinau 1996: 468]. Эти качества приходят на смену необузданному характеру девушки. Сознвая необычность и странность предлагаемой модели девического воспитания, г-жа д'Эпине обратилась к чужому для ее родной культуры немецкому контексту. Место действия повести об амазонке, которую маленькая Эмилия читает и комментирует со своей матерью, – Германия, а герои – немцы; сам текст представлен как переводная немецкая повесть. Таким образом, немецкие мотивы в романе г-жи д'Эпине в значительной степени соотносятся с “немецким” поведением будущей российской императрицы, не совсем привычным для окружавших ее людей. Нельзя определенно сказать, нет ли какого-то реверанса перед высочайшей покровительницей Эмили де Белзунс в этих поздних изменениях, сделанных ее бабушкой в тексте педагогического романа, которые публикует сама Эмили с прибавлением посвящения Екатерине. Не ясно, содержали ли

эти мотивы какие-то аллюзии на пример самой российской императрицы, личность которой сочетала в себе так же гармонично элементы “женского” и “мужского” поведения и которая показала себя убежденным адептом нового женского воспитания, или же это всего лишь совпадение, порожденное обращением к одной и той же романной топике. Все вышеупомянутые положительные черты свойственны созданному Екатериной II мифологизированному автообразу в ее автобиографии. Сюжет другого разговора – насколько Екатерина II знала интерпретации этого женского типажа в своей родной литературе,² который, однако, встречается достаточно часто и в других больших литературах того времени: французской, английской, итальянской, а чуть позже занимает подобающее место и в русской.³ Так или иначе, в большинстве случаев участие девочки в подвижных играх, особенно наравне с мальчиками, а также интерес девушки или молодой женщины к верховой езде, охоте воспринимались в то время как свидетельство непокорного и сильного характера.

Мотив безудержной страсти к *верховой езде* присутствует во всех редакциях автобиографии Екатерины II. Его интерпретация, однако, эволюирует во времени.

В первоначальном варианте текста 1771 г. у этого мотива есть своя “предыстория”, свидетельствующая о живости маленькой Фике, как называли в семье будущую царицу:

“Моя живость была чрезвычайна в то время; меня укладывали спать очень рано <...>. Я делала вид, что засыпала сразу, чтоб они (гувернантка и служанки, – прим. мое, А.В.) поскорее ушли, и, как только оставалась одна, садилась верхом на подушки и скакала в кровати до изнеможения. Помню, что поднимала в постели такую возню, что мои прислужницы прибежали посмотреть, в чем дело; но тогда они находили меня уже лежавшей, и я притворялась спящей; ни разу меня не поймали и никогда не узнали, что я носилась на почтовых у себя в постели верхом на подушках” [Екатерина II 1989: 15 (Б)].⁴

Это детское воспоминание о “мальчишеских”, неуместных даже для маленькой девочки, проделках юной Софии-Фредерики должно подготовить читателя к встрече с незаурядным, не укладывающимся в общепринятые рамки характером, дававшим о себе знать даже в невинных забавах.

Первая же настоящая езда верхом связана в первой редакции со знаменательной для четырнадцатилетней принцессы встречей. Во время визита к своим родственникам София-Фредерика познакомилась с необычной и считавшейся скандальной женской личностью – графиней Бентинк. Это была одна из первых и редких женщин того времени, которые не хотели считаться с общественными условностями: “Эта дама нашумела в свете; я думаю, что если бы она была мужчиной, это был бы человек с достоинствами, но, как женщина, она слишком пренебрегала тем, что скажут” [Екатерина II 1989: 23 (Б)]. Графиня Бентинк – одна из “бунтовщиц”, которые не хотели мириться с необходимостью жизни с нелюбимым супругом. Одной из первых в Европе она решилась на дерзость потребовать у своего мужа⁵ судебного развода. Она даже осмелилась официально иметь ребенка от своего любовника низкого происхождения. Дерзкая графиня обладала такими качествами, которые позволяли будущей мемуаристке идентифицировать себя с ней и превратить ее в свой образец для подражания: “Наружностью она походила на мужчину и была некрасива, но обладала умом и знаниями” [там же]. Их знакомство происходит эффектно, графиня встретила юную Софию и ее родителей на коне, при том сидя по-мужски: “Бентинк выехала к нам навстречу верхом; я еще никогда не видела женщин верхом и была в восторге при виде ее: она ездила, как берейтор” [Екатерина II 1989: 23 (Б)]. Очарование этой женщиной в глазах четырнадцатилетней девушки вызвано ее неконвенциональным поведением: “она ездила верхом, танцевала, когда ей вздумается, пела, смеялась, прыгала, как дитя,

хотя ей было уже за тридцать; она была уже в разводе с мужем” [там же: 24]. С графиней связаны и первые уроки верховой езды:

“... она мне обещала, что я покатаюсь верхом после обеда, но главная трудность состояла в том, чтобы получить на это позволение отца; без него бы я не осмелилась поехать. Графиня взялась вести переговоры и своей назойливостью добилась разрешения; она посадила меня на лошадь, и я несколько раз объехала двор замка. С той минуты это упражнение стало моей господствующей страстью в течение очень долгого времени; как только я видела своих лошадей, я все для них бросала” [Екатерина II 1989: 24 (Б)].

Производит впечатление параллель с вставной повестью об амазонке в романе г-жи д’Эпине: нетрадиционные занятия дочери происходят с санкции отца, хотя в этом случае Екатерина не отводит ему роль наставника. Несмотря на то, что мемуаристка отмечает скорый отъезд своей семьи, главным образом из-за опасений своих родителей насчет возможного отрицательного влияния на их дочь (“чтобы вырвать меня из когтей этой женщины: она давала слишком много воли моей врожденной живости” [Екатерина II 1989: 25 (Б)]), встреча с графиней Бентинк является для принцессы первым уроком эмансипации. Важное место здесь занимает верховая езда, которая повторяется как лейтмотив в содержании всего обширного эпизода. Езда верхом, причем по-мужски, – неслыханная дерзость в то время. Как можно понять из приведенных цитат, даже сам вид женщины на коне является неожиданным сюрпризом для четырнадцатилетней девушки, которая до тех пор ничего подобного не видела, несмотря на светские контакты своей семьи, и при том, что это был один из немногих доступных для женщин аристократических видов спорта. Это корреспондирует с неконвенциональным поведением супруги, матери и дамы высшего общества и является знаком яркого и необычного женского характера. Как ни старается “умудренная опытом” мемуаристка внушить своему предполагаемому читателю долю негативного отношения к этому персонажу, подчеркивая “назойливость” графини и оправдываясь впечатлительностью и “живостью” своего юного возраста, очевидно сильное влияние, которое оказала на свою юную поклонницу эта дерзкая и необыкновенная личность, одна из первых европейских эмансипе. Пожилая Екатерина действительно поступает мудро: как и следовало ожидать, в более поздних редакциях текста этот эпизод вовсе отсутствует. Он не упоминается даже в виде краткой ретроспекции. Автор меняет даже место своих первых уроков верховой езды и из Германии переносит его в Россию. Они происходят в имении графини Румянцевой, первой “надзирательницы” молодой великой княгини и доверенного лица императрицы Елизаветы Петровны [Екатерина II 1989: 233 (СРЗ)]. Причины такой смены можно легко найти в скандальной славе самой Екатерины и ее явном нежелании увеличивать домыслы воспоминанием о компрометирующем влиянии графини Бентинк.

В двух редакциях екатерининских мемуаров 90-ых годов топос амазонки, страстно любящей верховую езду, последовательно развертывается. В редакции 1790 г. одно из “наказаний” великой княгини – не пригласить ее на охоту, “хотя знали, что я страшно люблю верховую езду” [Екатерина II 1989: 93 (Ч)], и это одна из причин ее ипохондрии. В позднейшей “герценовской” редакции езда верхом, особенно по-мужски, может толковаться недоброжелателями Екатерины не только как моральная неустойчивость. В глазах императрицы Елизаветы, которая также любила переодеваться в мужской костюм и ездить верхом по-мужски, это – причина отсутствия детей у великой княгини, т.е. это помеха тому, чтобы она исполнила свой долг перед государством и дала ему наследника престола [Екатерина II 1989: 332 (СРЗ)].⁶

В конце текста редакции 1791 г. езда верхом интерпретируется уже как один из элементов свободы в резиденции великокняжеской четы Ораниенбауме: “Там мы, и я в

числе других, проводили весь день с утра до вечера на охоте. Помнится, в этом году я несколько раз проводила верхом на лошади по тринадцати часов из двадцати четырех. Я страстно любила это занятие и была неумоима” [Екатерина II 1989: 192 (Ч)]. Там же, в заключительном эпизоде “черкасовской” редакции, рассказывается о безудержном веселье мемуаристки в стиле уроков графини Бентинк. Различие в том, что переполох, который поднимает великая княгиня, происходит в “домашней” обстановке, только перед церберами Чоглоковыми, которые даже вынуждены улыбнуться [Екатерина II 1989: 193 (Ч)]. Этот поступок также можно интерпретировать как своеобразную демонстрацию смелости автора перед шпионами императрицы.

В позднейшей редакции мемуаристка отказывается от привычных констатаций своей страсти к верховой езде. Это ее умение становится последовательно развернутым элементом в становлении ее характера, а на смену детским шалостям приходят дерзкие маскарадные переодевания и всевозможные приключения.

В “Собственноручных записках” подчеркивается ловкость и искусство всадницы. Это удобный повод проявить свое женское превосходство, показать свою грацию в своеобразной “дуэли” с другой женщиной. Таково содержание эпизода “соревнования” с суетной г-жой Арним, супругой саксонского посла:

“Арним пришла ... одетая с головы до ног в мужской костюм из красного сукна, обшитого золотым галуном; куртка была зеленая гродетуровая, тоже вышитая золотом. Она не знала, куда девать шляпу и руки и показалась нам довольно неуклюжей. Так как я знала, что императрица не любит, чтобы я ездил верхом по-мужски, то я велела приготовить себе английское дамское седло и надела английскую амазонку из очень дорогой материи, голубой с серебром, отделанную хрустальными пуговицами, которые до неузнаваемости походили на брильянты, и черная шапочка моя была окружена шнурком из брильянтов. Я спустилась, чтобы садиться на лошадь; в эту минуту императрица пришла к нам в комнаты посмотреть, как мы поедем. Так как я была тогда очень ловка и очень привычна к верховой езде, то, как только я подошла к лошади, так на нее и вскочила; юбку, которая у меня была разрезная, я спустила по бокам лошади. Мне передали, что императрица, видя, с каким проворством и ловкостью я вскочила на лошадь, изумилась и сказала, что нельзя быть лучше меня на лошади; она спросила, на каком я седле и, узнав, что на дамском, сказала: “Можно поклясться, что она на мужском седле”. Когда очередь дошла до Арним, она не блеснула ловкостью перед Ее Императорским Величеством. Эта дама велела привести свою лошадь из дому; то была старая вороная кляча, очень большая и тяжелая, и, как уверяли наши придворные, упряжная из ее кареты. Ей понадобилась лесенка, чтобы влезть. Все это сопровождалось всякими церемониями, и наконец с помощью нескольких лиц она уселась на свою клячу, которая пошла довольно неровной рысью, так что порядком трясла даму, которая не была тверда ни в седле, ни в стременах, и которая держалась рукой за луку” [Екатерина II 1989: 304-305 (СРЗ)].

В этом эпизоде красноречиво демонстрируется разница между увлечением модой, желанием женщины выглядеть модно, эффектно и элегантно (злосчастная г-жа Арним, чьи злоключения не закончились на описанном: она теряет то свою шляпу, то стремена, а в конце, уже сойдя с лошади, растягивается во весь рост в луже и становится посмешищем двора и всего города на целую неделю) и настоящей страстью, превратившейся уже в мироощущение. Настоящий поединок ведется не с претенциозной саксонской дамой, которая, по-видимому, не учитывает собственные возможности, а с запретами и завистью императрицы Елизаветы, не менее ловкой наездницы и любительницы имитировать мужское поведение.

Очень важна семантика одежды в приведенном эпизоде. Мотив костюма в принципе тесно связан с мотивом верховой езды. Элегантный мужской костюм Арним в сочетании с ее неловкостью и неуклюжестью воспринимается как карнавальным. Вынужденный выбор Екатериной “дамского” костюма, соответствующего принятой манере одеваться в таких случаях, и способа езды (платье-“амазонка”, дамское седло) говорят о воспринятом ею “другом” стиле женского поведения, успешно сочетающемся

с ловкостью и смелостью, от которых мемуаристка испытывает даже вопреки временной дистанции нескрываемое удовольствие (“я поехала вперед, а за мной кто мог, тот и успевал” [Екатерина II 1989: 305 (СРЗ)]. Страсть к верховой езде пробуждает в великой княгине присущее мужчинам, по тогдашним меркам, качество – инвенцию. Ее платья-”амазонки”, между прочим, сшитые только из добротной и дорогой шелковой материи (возможно, дань “женской” суетности), – чрезвычайно находчивый и оригинальный для своей эпохи “андрогиный” костюм, сочетавший видимость и благоприличие дамской модели одежды (включавшей в себя обязательное требование большей статики, даже когда речь шла об этом виде спортивного платья) с удобством и большей свободой мужской. Другая мелкая, но красноречивая деталь – количество этих самых платьев и постоянная необходимость в их частой смене, что даже вызывает удивление портного:

“... однажды, когда я возвращалась домой вся промокшая, я встретила своего портного, который мне сказал: “Как вы себя отделали; не удивляюсь, что едва успеваю шить амазонки и что у меня постоянно требуют новых”. Я носила их только из шелкового камлота; от дождя они садились, от солнца выгорали, а следовательно мне и нужны были все новые” [Екатерина II: 306 (СРЗ)].

Отношение к одежде (“от дождя они садились, от солнца выгорали”) выдает сущность повествовательницы. Ее небрежность скорее “мужская”: для нее важна функциональность, удобство платья. Количество вышедших из употребления амазонок не есть выражение суетности (хотя нотка самолюбования есть в описании голубой амазонки – материя, пуговички, шапочка – в эпизоде с г-жой Арним), а выражает ее стиль жизни: странный, динамичный, несвойственный знатной даме. Исключительное значение имеет тот факт, что костюм для верховой езды, предшественник современной юбки-брюк, – изобретение самой Екатерины; так же, как плодом ее воображения⁷ является другой, не менее важный для всадницы аксессуар – седло. Оно не менее “андрогино”, чем костюм:

“В это время я придумала себе седла, на которых можно было сидеть как угодно; они были с английским крючком и можно было перекидывать ногу, чтобы сидеть по-мужски <...> Когда спрашивали у берейторов, как я езжу, они отвечали: “на дамском седле, согласно с волей императрицы”; они не лгали; я перекидывала ногу только тогда, когда была уверена, что меня не выдадут, и так как я вовсе не хвасталась своей выдумкой и все были рады мне угодить, то я и не имела никаких неприятностей; великому князю было все равно, как я езжу; что касается берейторов, то они находили, что для меня менее риску ездить по-мужски, особенно гоняясь постоянно на охоте, нежели на английском седле, которое они ненавидели, боясь всегда какого-нибудь несчастного случая, за который, может быть, их потом обвинят. По правде сказать, я была очень равнодушна к охоте, но страстно любила верховую езду; чем это упражнение было вольнее,⁸ тем оно было мне милее...” [Екатерина II 1989: 306-307 (СРЗ)].

Последовательно развернутый в автобиографии Екатерины II мотив амазонки символизирует отказ мемуаристки от соблюдения лишних, подчиненных предрассудкам и находящихся в противоречии со здравым смыслом общественных условностей (реакция егерей, доказывающая ее правоту), как и ее склонность к риску и необычное для тогдашней женщины деятельное “мужское” поведение, основанное на вызове, смелости, инвенции. Условная андрогиность амазонки предшествует амбиции великой княгини доказать себя во власти, символическое завоевание которой Екатерина совершит снова на коне, но на этот раз в настоящем мужском костюме.

Миф об амазонках занимает ведущее место в мифологии екатерининского правления. Знаменательно то, что символическое присутствие амазонок – знаковый сюжетный мотив в сценариях некоторых торжественных церемоний в екатерининскую

эпоху. Рядом с гендерно амбивалентным образом Минервы [см. Уортман 2002: 154]⁹ в коронационных торжествах, и прежде всего в программном маскараде “Торжествующая Минерва”, в сценариях многих праздников и написанных по их поводу литературных текстах присутствуют образы амазонок или же русские женщины ассоциируются с древними мифическими обительницами Скифии. Такую образность применяет в “Оде на великолепный карусель”¹⁰ (1766) поэт Василий Петров. Ода была написана по поводу придворного костюмированного праздника “карусель”, в котором также присутствуют аллегорические персонажи и есть определенный сценарий, полный символических посланий. В оде Петрова, представляющей значительный текст в истории одического жанра в русской поэзии, царица амазонок Пентезилея, видя, как “природные Российски дщери ... Оспорить тщатся лавр мужам” [Петров 1990: 174], сожалеет, что такие девы-воины не приняли участия в защите Иллиона; если бы в рядах троянцев находились бы подобные героини, то не удалась бы хитрость “Уликса и Диомида”, а Ахилл пал бы от рук прекрасного пола, и “Поднесь стояло б Трои царство / И гордый стен Пергамских вид” [Петров 1990: 175]. В праздниках, устроенных Потемкиным во время знаменитого путешествия Екатерины II по новоприсоединенным южным территориям и Крыму, последовательно проводятся ассоциации с мифом об амазонках [Зорин 2002: 95-122]. Русская императрица в компании австрийского императора была встречена ротой экзотически одетых амазонок, которые были носительницами скифской темы в историко-культурных ассоциациях, связанных с путешествием [там же: 110]. А. Зорин указывает, что, согласно древним мифам и “Истории” Геродота, именно Северное Причерноморье – земля амазонок, которые вступили в брак со скифами. С другой стороны, в официальной историографии того времени скифы воспринимались как прародители славян, соответственно русских [там же]. Такую же концепцию развивает сама Екатерина II в своем историческом труде “Записки касательно российской истории”, вышедшем в том же 1787 г., когда состоялось и ее путешествие в Тавриду. В нем она отмечает, что скифские женщины сражались наравне с мужчинами во время войны [там же]. Таким образом, миф об амазонке становится важной составляющей как в персональном мифе российской императрицы, так и в государственной мифологии Российской империи. Концептуальность топики, связанной с амазонкой в екатерининских мемуарах, является вариантом мифологии ее царствования и реализует один из главных компонентов персонального екатерининского мифа: сочетание “мужских” качеств характера и личности мемуаристки с ее женственностью, а также выявляют силу и твердость мемуаристки, презирающей предрассудки и утверждающей дорогие ее сердцу идеи и в первую очередь – о воспитании просвещенных и независимых женских личностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термин “топика” употребляется в значении “общие повторяющиеся мотивы”, а не в смысле совокупности пространственных топосов.

2. Известно, что Екатерина знала хорошо “Библиотеку немецких романов” Николаи, но не проявляла интереса к первым произведениям своего великого современника Гете. Трудно предположить, что именно достигло до высочайшей читательницы, чьи интересы были все же более направлены на французскую литературу и, через ее посредство, на английскую. Комментируемый тип более характерен для литературы немецкого предромантизма, для произведений движения “Буря и натиск”, к которому, по всей видимости, пожилая уже российская императрица была безразлична. Так что немецкие сюжеты и мотивы в ее автобиографии – интересная и неразработанная тема, ждущая своего исследователя.

3. Например, Наталья из повести “Наталья, боярская дочь” Н.М.Карамзина, анонимная повесть “Русская амазонка” (о ней: Tosі 2002); житейская судьба и автобиография Надежды Дуровой и др.

4. Все цитаты из текста даются по этому изданию. Буквами в скобках отмечены разные его редакции: Б – редакция 1771 г., посвященная графине П.А.Брюс; Ч – редакция начала 90-х гг. XVIII века, посвященная барону А.Черкасову; СРЗ – Собственноручные записки императрицы Екатерины II, редакция 1793-1796 гг., опубликованная Герценом в 1858 г.

5. “который казался (судя по его портрету – А.В.) очень красивым мужчиной. Графиня говорила, глядя на него: “Если бы он не был моим мужем, то я любила бы его до безумия [Екатерина II 1989: 24 (Б)]. В этом случае производит впечатление применение характерного для XVIII века романного топоса невозможности любви в браке, который является одним из ведущих в автобиографии Екатерины II.

6. Сходные предрассудки “медицинского” характера были свойственны массовому сознанию даже во второй половине XIX в. Известный цензор А.В.Никитенко, комментируя в 1864 г. в своем дневнике новшества в поведении молодых современниц, отметил: “Эмансипаторы женщин требуют равенства ее с мужчиною... Женщине полагается ехать верхом только боком. И на то есть основательные физиологические причины” [Никитенко 1955, II: 423].

7. По-видимому, Екатерина II имела талант к сходным вещам, отражавшим оригинальность ее мышления. Хорошо известно, что для своих внуков Александра и Константина она придумала новый тип свободной детской одежды, которая не стесняла движений маленьких детей. Благодаря высокому общественному статусу “дизайнера”, они произвели небольшую “революцию” в моде для детей, которых до тех пор одевали как взрослых в неподходящие для их динамического возраста костюмы [см. Plavinskaia 2003]. Сохранены портреты маленьких великих князей Александра и Константина в таких костюмчиках, в которых реализовалось на практике восприятие новаторских тогда идей Ж.-Ж. Руссо о роли движения и игры в развитии детей.

8. Болгарскому читателю хорошо известен порыв амазонки к свободе по прекрасному одноименному стихотворению Елисаветы Багряны: “Вее утринна прохлада/ в моето лице – / аз съм млада, млада, млада / с огнено сърце. // Моят вихрен кон лети / бодро и безспир – / пред очите ми цъфти / неогледен мир...” [Багряна 1973: 32].

9. Автор подчеркивает, что гендерная амбивалентность была привнесена в образ российской императрицы еще в Петровскую эпоху в связи с личностью Екатерины I [Уортман 2002: 101], а позднее была продолжена и в образе Елизаветы Петровны. Метафорический образ Екатерины II – Минервы продолжает эту традицию в символике русской государственности. Юбилейные медали по случаю коронации изображали ее в виде вооруженной древнегреческой богини в шлеме и кольчуге. Популярными были также изображения Екатерины в мужском гвардейском мундире.

10. Благодарю Андрея Зорина за подсказку.

ЛИТЕРАТУРА

Багряна 1973 – *Багряна Е.* Амазонка. Избрана лирика. Т. 1. С., 1973.

Екатерина II 1989 – Записки императрицы Екатерины Второй. Репринтное воспроизведение издания 1907 года. Орбита, Моск. филиал, 1989.

Зорин 2002 – *Зорин А.Л.* “Кормя двуглавого орла...” Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2002.

Лотман 1994 – *Лотман Ю.М.* Две женщины // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.

Никитенко 1955 – *Никитенко А.В.* Дневник. М., 1955, т. II.

Петров 1990 – *Петров В.П.* Ода на великолепный карусель, представленный в Санкт-Петербурге 1766 года // Русская литература. Век XVIII. Т. 1. Лирика (Отв. ред. Н.Д. Кочеткова). М., 1990, с. 174.

Уортман 2002 – *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002, с. 154.

Badinter 1983 – *Badinter E.* Emilie, Emilie. L’ambition féminine au XVIII siècle. Paris, 1983.

Fauchery 1972 – *Fauchery P.* La destinée féminine dans le roman européen du 18e siècle: 1713 – 1807. Essai de gynécomythie romanesque. Paris, 1972.

Mme d'Épinay 1996 – Mme d'Épinay. *Les Conversations d'Emilie*. Texte présenté par R.Davison. *Studies on Voltaire & the Eighteenth Century*, t. 342, Oxford, Voltaire Foundation, 1996.

Plavinskaïa 2003 – *Plavinskaïa N.* Catherine II et le grand-duc Alexandre Pavlovitch: l'institution du prince russe au siècle des Lumières, in: *L'Institution du prince au XVIII siècle. Actes du VIII colloque franco-italien des sociétés française et italienne d'étude du XVIII siècle* (Grenoble, octobre 1999), édités par G.Luciani et C.Volpilhac-Auger, Centre International d'Etude du XVIII siècle Ferney-Voltaire, 2003, pp. 175-180.

Simmons 1980 – *Simmons S.* Héroïne ou figurante? La femme dans le roman du XVIII siècle en France. In: *Studies on Voltaire & Eighteenth Century*, N 193 (Transactions of the V Congress on the Enlightenment, t. IV), Oxford, Voltaire Foundation, 1980.

Tosi 2002 – *Tosi A.* L'amazone russe: les traits subversifs d'une héroïne sentimentale. In: *Revue des études Slaves*, T. 74, Fasc. 4 (Le sentimentalisme russe), Paris 2002 – 2003, pp. 819-834.